

18. Dante Alighieri. Vita nuova URL : <http://dante.ilt.columbia.edu/books/vitanuova/vitanuov.htm>. Vita nuova di Dante Alighieri.

Text modality role in cultural concept "love" formation (based on lyric cycles of Gaius Valerius Catullus and Dante Alighieri)

There is regarded the problem of poetic cycle modality research. There is given the definition of poetic cycle as a special variety of a narrative text, analysed the language means of subjective author's modality realization in lyric cycles of Catullus and Dante, defined the text modality role in author's concept "love" formation in every cycle, traced the transformation of author's to cultural concept.

Key words: *poetic cycle, cyclic form, text modality, subjective modality, author's concept, cultural concept.*

А.А. СТЕПАНОВА
(Москва)

ВЫЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОПОР ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СТРУКТУРНОГО ТИПА $V - N_1 - N_2$

Описаны особенности порождения фразеологических единиц (ФЕ) в условиях ассоциативного эксперимента. На примере нескольких ФЕ выделены семантические опоры, обозначена их символическая значимость в языковом сознании, сделаны выводы о степени влияния вариативности, трансформации и редукции семантических опор и других компонентов на образ ФЕ.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, русское языковое сознание, семантические опоры, ассоциативная пара, вариативность, трансформация.*

Ассоциативный эксперимент (далее – АЭ) – один из традиционных способов изучения языкового сознания. Языковой тезаурус носителей языка, созданный на основе ассоциативного эксперимента, представляет собой, по мысли авторов РАС [5], языковое сознание носителей языка.

Известно, что методика проведения АЭ требует от испытуемых написания сиюминутных реакций на предложенные стимулы в условиях ограниченного времени. При этом, как показывают результаты анализа данных РАС, ФЕ часто порождаются в редуцированном, трансформированном виде, т.е. имеет место «сбой канонической формы» [4].

Большинство ФЕ представлены в РАС несколькими ассоциативными парами, например, ФЕ *менять шило на мыло* актуализуется в виде: *шило* → *на мыло* (10); *мыло* → *на шило* (3); *шило* → *мыло* (24), причем явно выделяются некоторые компоненты ФЕ, которые повторяются во многих парах SR данной единицы. Такие лексемы можно назвать семантическими опорами ФЕ. Результаты нашего исследования подтверждают гипотезу Д.О. Добровольского и Ю.Н. Караулова [4] о способе хранения ФЕ в языковом сознании носителей русского языка. Мы полагаем, что ФЕ не заучиваются целыми блоками, а хранятся в виде редуцированных ядерных структур, которые мы определяем в данном исследовании как семантические опоры.

Под семантическими опорами мы понимаем своеобразную когнитивную свертку ФЕ, смысловой концентрат, который зачастую достаточен для опознания и восстановления целостного ФЕ носителями русского языка. Они актуализуют ключевые образы языкового сознания носителей русского языка.

На примере нескольких ФЕ, представленных в РАС, мы выделили смысловые опоры и сделали попытку описать их символическую значимость при опознавании образов ФЕ носителями русского языка. При нахождении семантических опор мы выделяем ведущий фактор – фактор частотности, т.к. ключевые компоненты образа порождаются, как мы полагаем, с большей частотностью, чем периферийные компоненты.

Наряду с семантическими опорами мы считаем необходимым рассмотреть структуры соответствующих ФЕ. Мы полагаем, что ФЕ структурного типа $V - N_1 - N_2$ хранятся в языковом сознании носителей русского языка в виде отношения семантических опор. ФЕ этого структурного типа редко порождаются в полной форме,

чаще подвергаются процессам редукции и трансформации, что получило свое отражение в РАС, где они представлены в виде ключевых компонентов.

Нами были выделены структурные модели анализируемых ФЕ. Наиболее частотными являются $V \rightarrow N$ и $N_1 \rightarrow N_2$. Мы назвали их ключевыми моделями. Отметим, что по структуре они совпадают с наиболее частотными типами словосочетаний русского языка.

Каждая из анализируемых единиц актуализуется в РАС, а значит, вероятно, в языковом сознании, в виде нескольких ассоциативных пар. В условиях ассоциативного эксперимента с большей стабильностью порождаются ключевые компоненты ФЕ, а элементы, не оказывающие значительного влияния на формирование образа ФЕ в языковом сознании носителей русского языка, часто подвергаются вариативности, трансформации и редукции. Под «вариативностью» мы понимаем изменение компонента ФЕ, зафиксированное как норма во фразеологических словарях, что отличает это понятие от трансформации.

ФЕ «вешать лапшу на уши» представлен в РАС в виде следующих ассоциативных пар: *лапша* → *уши* (9), *лапша* → *вешать на уши* (2), *вешать* → *лапшу на уши* (2), *вешать* → *лапшу* (6), *лапша* → *вешать* (2), *лапша* → *на ушах* (13), *лапшана* *уши* (12).

Наиболее частотны компоненты *лапша* и *уши*. Именно они, можно предположить, являются семантическими опорами данной ФЕ. Представив вышеперечисленные пары SR в виде структурных моделей, получаем следующее: $N_1 \rightarrow N_2$, $N \rightarrow W/C$, $V \rightarrow W/C$, $V \rightarrow N$, $N \rightarrow V$, $N_1 \rightarrow N_2$, $N_1 \rightarrow N_2$. Хорошо видно, что наиболее частотная структурная модель – это $N_1 \rightarrow N_2$, где N_1 – *лапша*, N_2 – *уши*.

В сознании носителей русского языка образ «лапша» ассоциируется с обманом, ложью, что интересно обыгрывается в текстах СМИ. Например, некое независимое информационное агентство Lapsha.ru обозначает свою функцию следующим образом: «... донести до наших читателей максимально правдивую и объективную информацию...» (www.lapsha.ru). В этом случае можно усмотреть рекламный трюк создателей, которые, вероятно, полагают, что диссонанс названия и обещание «макси-

мально правдивой и объективной информации» привлечет больше читателей.

Организаторы различных митингов протеста, как оказалось, широко используют образ ФЕ «вешать лапшу на уши». «Лапша» стала еще и символом протеста, что подтверждают следующие новостные тексты: *Члены общественного движения «Мы» сегодня в буквальном смысле вешали друг другу лапшу на уши у стен Останкинского телецентра. Они протестовали против выхода на телеканале НТВ передачи Глеба Панфилова «Реальная политика»* (www.echo.msk.ru).

Предикат анализируемой ФЕ не относится к семантическим опорам, он часто подвергается редукции и трансформациям. Новостные тексты подтверждают, что предикат «вешать» занимает периферийное место: *На центральной площади Бишкека начался митинг оппозиции, где партийцы раздавали лапшу как символ обмана* (www.newzzz.kz). Процесс, обозначаемый глаголом «вешать», не играет ключевой позиции в образе данной ФЕ: достаточного образа «лапши», чтобы носители русского языка связали этот символ с обманом.

Вот еще пример: *В Глазове на митинге против отмены льгот молодые коммунисты раздавали «прибор для снятия лапши с ушей»* (www.cprf.info). Как видно из приведенных примеров, образ ФЕ обыгрывается по-разному, но семантические опоры «лапша» и «уши» актуализуются неизменно и достаточны для понимания образа ФЕ носителями русского языка.

Обращаясь к словарной статье РАС на стимул «лапша», мы видим, что чаще всего актуализуется именно ФЕ «вешать лапшу на уши»: первые три реакции *на ушах* (13), *на уши* (12), *уши* (9), и только потом – *вермишель* (5), *домашняя* (5), *вареная* (3) и т.д. Этот факт свидетельствует о значимости данной ФЕ в языковом сознании носителей русского языка.

Похожая по структурной модели ФЕ «покупать кота в мешке» порождается в ассоциативном эксперименте в виде следующих пар: *кот* → *в мешке* (3), *в мешке* → *кот* (70), *в мешке* → *кота* (2), *покупать* → *кота в мешке* (2). Таким образом, мы получаем структурные модели: $N_1 \rightarrow N_2$, $N_1 \rightarrow N_2$, $N_1 \rightarrow N_2$, VW/C . Кодовыми являются модель $N_1 \rightarrow N_2$, как и в предыдущей ФЕ, а семантические опоры – «кот» и «мешок». Глаголь-

ная часть допускает вариативность грамматической формы: *покупать/купить кота в мешке*, а также редукцию: в условиях ассоциативного эксперимента глагол не актуализуется в виде реакции.

Приведем примеры, подтверждающие, что ФЕ вполне может обходиться и без предиката: название романа И. Хмелевской «Кот в мешке». Интересно в связи с этим описание американского фильма *Buying the Cow* 2002 г., который в российском прокате назывался «Кот в мешке»: *Свадьба ужасно напоминает ему покупку кота в мешке. И он решает для начала пойти за советом к друзьям и обратить пристальное внимание на других девушек – «ознакомиться с ассортиментом». Практично и разумно? Лишь на первый взгляд. И если поначалу у героя был только один «кот в мешке», то теперь не успел он оглянуться, как их стало несколько!* (www.kinopoisk.ru).

Образ «кот в мешке» для передачи значения ФЕ «приобретать что-либо, не зная заранее ничего о качестве, достоинствах приобретаемого» [1] становится понятен, когда мы обращаемся к истории этого оборота. Как утверждают некоторые исследователи, выражение восходит к средним векам, когда мошенники пытались продать кота вместо зайца или кролика [3; 6]. Вероятно, с тех пор образ «кота в мешке» ассоциируется в языковом сознании носителей русского языка с обманом и надувательством при приобретении чего-либо.

ФЕ «не ударить лицом в грязь» порождается в виде: *упасть* → *лицом в грязь* (2), *ударить* → *в грязь* (2), *в грязь* → *ударить* (2), *в грязь* → *лицом* (41), *грязь* → *лицо* (2). Данные ФЕ имеют структуры: $V \rightarrow W/C$, $V \rightarrow N$, $N \rightarrow V$, $N_1 \rightarrow N_2$, $N_1 \rightarrow N_2$. Активными в данном случае можно назвать лексемы «грязь», «лицо», которые, вероятно, можно отнести к семантическим опорам, и структурная модель $N_1 \rightarrow N_2$.

Как и в предыдущих примерах ФЕ «вешать лапшу на уши», «покупать кота в мешке», глагол в составе ФЕ «ударить в грязь лицом» не является семантической опорой выражения, что подтверждается трансформацией в одной из ассоциативных пар: *упасть* → *лицом в грязь* (2). Отметим, что негатор **не** при порождении этой ФЕ в условиях ассоциативного эксперимента отсутствует.

Значение ФЕ «не опозориться, не осрамиться, показать себя с хорошей стороны» [1] легко восстановить, анализируя образ «лицом в грязь». Компонент «грязь» имеет отрицательную коннотацию. Ср.: *из грязи да в князи; взят из грязи, да посажен в князи; обливать/облить грязью, обливать грязной водой, вылить ушат грязи, помоев на кого-либо* (Там же). Другими словами, положение лицом в грязи не делает чести, независимо от того, каким образом там оказаться, поэтому ключевыми для образования образа ФЕ служат компоненты «лицо» и «грязь», а глагольный элемент в качестве семантической опоры не проявляется.

ФЕ «искать иголку в стоге сена» актуализируется в РАС в виде следующих ассоциативных пар: *искать* → *иголку в стоге сена* (2), *иголка* → *в стоге сена* (14), *иголка* → *в стогу сена* (5), *иголка* → *в сене* (2), *иголка* → *в стоге* (4), *иголка* → *в стогу* (4); которые можно представить в виде следующих структурных моделей: $V \rightarrow W/C$, $N_1 \rightarrow W/C$, $N_1 \rightarrow W/C$, $N_1 \rightarrow N_3$, $N_1 \rightarrow N_2$, $N_1 \rightarrow N_2$, где N_1 – лексема «иголка», N_2 – лексема «стог», N_3 – «сено». Таким образом, наиболее частотная модель $N_1 \rightarrow N_2$, с компонентами «иголка» и «стог».

ФЕ имеет значение «делать невозможную, бесполезную работу» (Там же). Семантическими опорами данного выражения являются, как уже было отмечено ранее, компоненты «стог» и «иголка». Они определяют образ ФЕ как «что-то маленькое» в «чем-то большом», апеллируя к опыту носителей языка, согласно которому разглядеть что-то маленькое в чем-то большом нелегко. «Бесполезность работы» подчеркивается, вероятно, образом «иголки» как весьма дешевого предмета – проще обзавестись новой, чем искать, прилагая большие усилия.

ФЕ «испить чашу до дна» порождается в виде ассоциативных пар: *испить* → *чашу до дна* (4), *испить* → *чаша* (3), *испить* → *чашу* (12), *испить* → *до дна* (21) и структурных моделей – $V \rightarrow W/C$, $V \rightarrow N_1$, $V \rightarrow N_2$. Ключевой структурной моделью является – $V \rightarrow N_1$, а семантическими опорами – «испить» и «чаша». По данным БФСРЯ, эта единица имеет исходный вид **испить <выпить, допить> [горькую] чашу [до дна]** [2]. Здесь мы находим подтверждение, что компонент «до дна» не является семантической опорой, так же как компонент

«горькую», который даже не актуализовался в условиях ассоциативного эксперимента в составе данной ФЕ. Что касается глагола, то, по данным БФСРЯ, он допускает вариативность, тем не менее он может быть отнесен к семантической опоре ФЕ.

Несмотря на то, что БФСРЯ указывает на вариативность анализируемой ФЕ, в РАС такой вариативности не наблюдается: глагол «испить» задается в виде стимула, а не порождается в виде реакции, а в словарной статье ВЫПИТЬ Русского ассоциативного словаря (РАС) не актуализуется ФЕ *испить* <*выпить*> *чашу до дна*, хотя встречается ассоциативная пара *выпить* → *до дна* (3), но, поскольку с данной ФЕ она не имеет однозначной связи, мы полагаем, что это свободное словосочетание.

Трансформация и даже редукция «неключевых» компонентов, т.е. компонентов, не относящихся к смысловым опорам ФЕ, не влияют на образ ФЕ. Грамматическая вариативность семантических опор также не влечет заметных изменений.

Что касается трансформаций семантики опор, они влекут изменения в образе ФЕ или нарушают его. Так, замена архаичного глагола *испить* на нейтральный *выпить* не порождает в ассоциативном эксперименте ФЕ «испить чашу до дна». Архаичный глагол *испить* актуализирует архаичную же *чашу*, в то время как глагол *выпить* не порождает этой ФЕ.

Литература

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005.
2. Большой фразеологический словарь русского языка (БФСРЯ). Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006.
3. Вартаньян Э.А. Из жизни слов. М., 1973.
4. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Фразеология в ассоциативном словаре // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. № 6.
5. Русский ассоциативный словарь (РАС): в 6 т. / под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова [и др.] М.: Помовский и партнеры, 1994.
6. Ходина Н.Т. Кто первый отогрел змею на груди? // Вопр. филологии и методики преподавания германских и романских языков. Воронеж, 1974. С. 48 – 53.

Интернет-источники:

1. URL: www.cprf.info
2. URL: www.echo.msk.ru
3. URL: www.kinopoisk.ru
4. URL: www.lapsha.ru
5. URL: www.newzzz.kz

Semantic support of structural type V-N1-N2 phraseological units

There are described the peculiarities of phraseological units formation under the conditions of associative experiment. By example of several phraseological units there is singled out semantic support, marked its nominal significance in linguistics. There are drawn the conclusions about the influence of variety, transformation and reduction of semantic support and other components on phraseological units.

Key words: *phraseological unit, Russian language mind, semantic support, associative pair, variety, transformation.*

Е.Ю. ТРЕЩЁВА
(Волгоград)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ МЕТАКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Описывается метаконцепт науки как ментальная единица, обусловленная культурой и объективируемая в языке. Утверждается, что ценностное отношение носителей лингвокультуры к результатам научного познания указывает на существование в их сознании метаконцепта соответствующей науки. Выделяются шесть основных маркеров ценностного отношения к психологической науке в обыденной коммуникации.

Ключевые слова: *метаконцепт, ценностное отношение, наука, психология, научные термины.*

Наука как феномен культуры обращается к изучению культурно значимых явлений, фрагментов и параметров природной и социальной реальности, формирующих в сознании носителей лингвокультуры концепты. Концепт понимается нами, вслед за В.И. Карасиком, как трехкомпонентная